

УДК 171: 328.185

ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Э.Р. Глечян

THE INSTINCT OF SELF-PRESERVATION AS A DETERMINANT OF LEGAL CONSCIOUSNESS

E.R. Glechyan

Аннотация. Рассматриваются проблема реализации права на самооборону как социальной рефлексии на инстинкт самосохранения. Дается в правовая и философская интерпретации данной проблемы. Значимость данной проблемы состоит в ключевой роли права на самозащиту в системе личных прав и одновременно – в несовершенстве российского нормативного регулирования права на самозащиту. С одной стороны, закон допускает проявление необходимой обороны, но с другой стороны, этот закон в практическом аспекте не выходит за пределы формальности.

Abstract. The problem of realization of the right to self-defense as a social reflection on the instinct of self-preservation is considered. It is presented in terms of the legal and philosophical interpretation of the problem. The significance of this problem lies in the key role of the right to self-defense in the system of personal rights and, at the same time, in the imperfection of the Russian normative regulation of the right to self-defense. On the one hand, the law allows the manifestation of the necessary defense, but on the other hand, this law in a practical aspect does not go beyond formality.

Ключевые слова: инстинкт самосохранения, самооборона, право, естественное право, позитивное право, самоубийство, страх смерти.

Keywords: self-preservation instinct, self-defense, law, natural law, positive law, suicide, fear of death.

Актуальность проблемы права на самооборону заключается в несовершенстве нормативного регулирования. С точки зрения естественного права основания для самозащиты дает инстинкт самосохранения. Проблема заключается в том, какова должна быть социальная рефлексия на это естественное право индивида. Почему это право должно быть поддержано обществом и государством?

Выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине И.И. Мечников был уверен, что общественный инстинкт человека дисгармоничен и несовершенен по той причине, что со времени относительно недавнего его [общественный инстинкт] приобретения он не пришел в достаточное равновесие [8, с. 135]. Даже если условия жизни являются нормальными, инстинкт самосохранения, по мнению И. Мечникова, недостаточно выражен в молодости. Этим ученый связывает частые риски жизнью из-за мелких причин. «Молодость, – пишет И. Мечников, – возраст самых бескорыстных жертв, но также и разнообразных злоупотреблений –

алкоголем, половыми отправлениями и т. д. ...Но молодые люди, с их еще мало развитым инстинктом жизни, очень требовательны. Испытываемые ими наслаждения слабы, в то время как страдания, вызванные малейшей неприятностью, очень остры. При этих условиях они легко становятся или эпикурейцами, в грубом смысле слова, или же склонными к самому крайнему пессимизму...» [8, с. 138].

В философско-правовом контексте инстинкт самосохранения можно и нужно исследовать и интерпретировать, в том числе, в формате естественного права самосохранения. Но исследование этих вопросов не может быть объективным, если обойти стороной юридические, психологические и социологические аспекты, поскольку самосохранение от угрозы или агрессии реализуется путем рефлексии на угрозу.

Задачей данной статьи является теоретическое осмысление парадоксов самозащиты (самообороны) в аспекте социального и биологического, общественного и индивидуального.

Соотнося инстинкт самосохранения с правом самозащиты, мы, прежде всего, должны иметь в виду, что право самозащиты является как естественным, так и находит свое отражение в позитивном праве. И если важность первого вида права вряд ли вызовет у кого-то сомнения в ее абсолютности, то интерпретация самозащиты в формате позитивного права в различных географических просторах нашей планеты крайне противоречива. Противоречия состоят, прежде всего, в разности культур, различий в отношении общества к человеку как к высшей ценности. Например, в США посягательство на личность и на имущество с угрозой причинения вреда, имевшему место на частной территории, может пресекаться практически любыми способами, в том числе, и причинением вреда здоровью нападавшему. Однако в России такое право самозащиты является во многом иллюзорным, хотя нормами права, формально, самозащита регламентируется. Д.М. Васин отмечает, что «необходимая оборона по североамериканскому праву носит субсидиарный характер, поэтому причинение посягающему вреда должно быть единственным способом предотвращения или отражения посягательства...» [2, с. 92–102]. В России же такое понятие как «мой дом – моя крепость» слишком размытое, а судебная практика показывает, что суды в основном встают на сторону агрессора, не принимая во внимание доводы обороняющегося лица. Советник Федеральной Палаты адвокатов Евгений Рубинштейн предположил, что принцип «Мой дом – моя крепость» может появиться в российском законе только после громкой трагедии [9].

И.С. Горшков в своих исследованиях справедливо связывает понятие «самооборона» с биологическим инстинктом самосохранения человека [4]. В этом смысле, надо признать, что самооборона является следствием, а детерминанты возбуждающие инстинкт самосохранения – причиной. И.И. Мечников утверждал, что страх смерти и есть проявление инстинкта самосохранения [8, с. 140]. Иначе говоря, инстинкт самосохранения, как психологическое явление, служит

своего рода некой крепостью, задерживающий человека в бытии, заставляющий его на уровне инстинктов бороться и сопротивляться агрессии и угрозе его существованию.

Однако что такое страх и как страх способствует проявлению инстинкта самосохранения? В связи с этим вопросом, возникает и другой: можно ли выработать единую правовую концепцию, одобряющую во всех смыслах проявление самозащиты? В психологической науке страх интерпретируется как отрицательная эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой опасности, угрожающей жизни организма, личности, защищаемым ею ценностям (идеалам, целям, принципам и т. д.) [10, с. 656]. Инстинкт самосохранения, по мнению С.И. Ворошилина, как один из важнейших инстинктов, обеспечивает человеку стремление выжить в любых условиях и при любых обстоятельствах. Это стремление проявляется в готовности человека жить дальше даже при любых критических обстоятельствах: как социально-психологических (потеря работы, имущества, близких, эмиграция, тюремное заключение и т. д.), так и медицинских (неизлечимое заболевание, беспомощность, обезображивание и т. д.) [4, с. 40].

А.Ф. Кони утверждал, что человеку, как существу нравственно-разумному присуще чувство самосохранения. По утверждению А.Ф. Кони, человек стремится к самосохранению «с одной стороны, инстинктивно, а с другой – сознавая свое право на существование. В силу стремления к самосохранению человек старается избежать опасности и принимает все меры к её отращиванию. Он имеет на это право, и притом право, которое должно быть рассматриваемо как прирожденное (*Urrecht*). Сознавая свое право на существование, человек ограждает это право от всякого чуждого посягательства, от всякого неправа» [6, с. 3].

Исследования проявления инстинкта самосохранения способом самообороны от агрессии в правовом формате имеют свою традицию. Трактовки, интерпретации, умозаключения различных мыслителей заслуживают внимания, ибо способов агрессии, детерминирующих самооборону в целях самосохранения также много.

Интерес представляет концепция, предложенная Дж. Локком. Мыслитель уточнил, когда и в каких ситуациях можно причинить вред, защищаясь от посягательства / агрессии, подробно отразил пределы самообороны. С одной стороны, Дж. Локк констатирует, что человек должен всегда находиться в состоянии свободы, что проявляется в неограниченной свободе распоряжения своей личностью и собственностью, а с другой стороны, он не должен находиться в состоянии своеволия, поскольку лишен свободы уничтожать себя или какое-нибудь иное существо, которое находится у него во владении, «за исключением тех случаев, когда это необходимо для более благородного использования, чем простое его сохранение» [7, с. 264]. Дж. Локк считал, что проведение в жизнь закона природы находится в руках каждого человека, и поданной причине любой человек вправе наказать

правонарушителя, но в пределах необходимых, чтобы пресечь правонарушение. В одном случае, локковская концепция о «естественном состоянии» подразумевает тот факт, что естественное состояние человека позволяет ему приобретать некую власть над другим [правонарушителем], а в другом, данная концепция исключает проявление деспотизма при распоряжении с преступником, когда последний находится под влиянием некоего аффекта – «вспышки страстей или безграничной фантазии своей собственной воли». Власть над преступником должна проявляться при спокойном рассудке и совести, «чтобы это соответствовало его нарушению, а именно настолько, что бы это служило воздаянием и острасткой» [7, с. 265]. Наказание Дж. Локком обосновывается тем, что один человек законно может причинить зло другому человеку, совершая наказание за преступление. Дж. Локк предвидит профилактику преступления на определенном примере для других людей от подобных злодеяний [7, с. 266].

Томас Гоббс закон самосохранения именовал как эгоизм, обосновывая тем, что «каждый стремится к тому, что является для него благом, и избежать того, что является злом, прежде всего величайшего из зол, существующих в природе, – смерти; и все это происходит с той же природной необходимостью, с какой камень падает вниз» [2, с. 101–102]. А Спиноза, среди прочего, право избегания смерти относит к естественным правам индивида, которые не могут быть переданы государству [2, с. 261–262].

Анализируя труды многих исследователей, чьи позиции по данному проблемному вопросу, где-то разнятся, а где-то сходятся, нам приходится предположить, что самооборона – это не право человека, а обязанность, и человек обязан, во всяком случае, пресекать действия всякого агрессора, и неважно то, какой статус имеет агрессор. Человек не должен нарушать законы природы и идти против воли Создателя. Жизнь человеку дана Создателем, и человек обязан беречь её от всякого посягательства, в том числе и от посягательства самим субъектом на свою собственную жизнь. Здесь мы имеем в виду парадокс суицида.

Э. Дюркгейм, говоря о самоубийстве, разумел, прежде всего, то, что «всякий смертный случай, является непосредственным или опосредствованным результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [5, с. 17]. Это определение в некотором отношении применимо и к нашему исследованию. Моделируя ситуацию, предположим, что у человека была возможность оборониться от действий агрессора, но он этого не сделал, вследствие чего поплатился жизнью. Не является ли пассивность жертвы видом суицида, если он осознавал, что его жизнь в опасности и мог бы проявить некую активность для сохранения своей жизни? По всей видимости, это парадоксальная форма суицида, напоминающая пассивную форму эвтаназии.

Фроммовская концепция дает нам интерпретацию самозащиты в виде агрессии, но агрессии доброкачественной, или биологически адаптивной

агрессии. Такая доброкачественная агрессия мотивирована тем, что представляет собой реакцию на угрозу витальным интересам индивида; она заложена в филогенезе; она свойственна как животным, так и людям; она носит взрывной характер и возникает спонтанно как реакция на угрозу; а следствие ее – устранение либо самой угрозы, либо ее причины [11, с. 243].

Современная проблема самообороны определяется субъектностью агрессора и защищавшегося. Действия защищавшегося субъекта вполне ясны и подлежат разбору (правовому) только лишь со стороны способа самозащиты и неважно, какой социальный статус имеет агрессор. Разумеется, если мы говорим о ситуациях, случившихся в подлинно правовом государстве. К сожалению, личность и социальный статус агрессора, по крайней мере, для российского права и правоприменителя имеет существенное значение, что, в свою очередь, детерминирует политику правоприменения в формате двойных стандартов. И такая юридическая концепция как «все равны перед законом» не имеет ничего общего с реальностью и в случае права на самозащиту. Она остается концепцией игры в правовое государство. Одно дело если самооборона будет в формате *человек-агрессор – человек-самообороняющийся*, и другое дело, если это, к примеру, *правоохранитель-агрессор – человек-самообороняющийся*. Современные реалии говорят нам, что суды неоднобразны в правоприменительной практике. Нельзя современному российскому человеку насилием отразить, к примеру, заведомо незаконный натиск агрессивного правоохранителя. И даже, если необоснованная жестокость будет очевидна, вряд ли дело в отношении этого агрессора дойдет для разбора в орган правосудия. Последнее время следственная и судебная практика свидетельствуют о том, что всякая агрессия правоохранителя находит поддержку не только в судах, но и у верховной власти. В одном из интервью российский политик высшего ранга заявил, что «за раненого омовца печень митингующих надо размазать по асфальту».

Однако эти же самые должностные лица не дают никакой критической оценки тому, что омовцы / правоохранители, можно сказать, «размазывают печень» людям, которые не являются агрессорами. Вот тут и возникает дилемма: с одной стороны, право на самооборону как бы институализировано, но с другой стороны, это право бесполезное, выхолощенное. Политика не в состоянии защитить общество от какого-то ни было агрессора, потому что общество критически разделено, нет общей правовой «идеологии», которая бы удовлетворяла потребности всего общества. Надо признать, что простой человек в современной России становится все меньшей ценностью. Подлинную же ценность приобретает элитарность. Элитарные субъекты могут свободно пользоваться своим правом на самооборону, даже если нет никаких для этого предпосылок. Есть еще субъекты, для которых сформирована иллюзионная ценность. Это субъекты, наделенные некими властными полномочиями, относящиеся к правоохранительной и карательной системе. Их ценность ограничена во времени. Как правило, во времени их службы.

По окончании срока службы их статус уравнивается со статусом человека массового общества.

Когда идет речь о праве на самооборону, имеется в виду, прежде всего, то, что это право юридически одно и для всех, однако, практически оно имеет иерархическое отношение к сложившейся «кастовой» системе субъектов права. В этом смысле актуальным является идея развития диалогического права, – людского / народного права. Ныне в обществе действует монологическое право, которое никогда не защитит общество, то есть простых людей от произвола; но это право как броня защищает маленький процент элитарного общества. Иными словами современное право нацелено на защиту элиты от всего общества. Монологическое право, будучи гетерономным и репрессивным, детерминирует общественный страх, и, внедряясь в разум, постепенно ослабевает волю к сопротивлению. И по данной причине мы можем наблюдать ситуации, когда на улице, в метро и т. д., несколько людей могут избивать одного человека, и никто из проходящих мимо людей не заступится за потерпевшего. Люди осознали и понимают, что если они заступятся и причинят вред агрессорам, то скорее всего, не агрессоры будут наказаны, а заступники подвергнутся наказанию. Гражданское общество сформировано по принципу «моя хата с краю, меня это не касается».

Таким образом, можно утверждать, что проявление индивидуального права на самооборону, будучи естественно-правовой и психологической рефлексией на инстинкт самосохранения, есть отражение права общества на свое самоутверждение в качестве подлинно правового, гуманистического здорового общества. Автономность правового сознания индивида, воспринимающего право на самозащиту от агрессии одновременно и как обязанность, служит основой для формирования гражданского общества и правового государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батиев, Л. В. Политические и правовые учения XVII века / Л. В. Батиев. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – 348 с. – Текст : непосредственный.
2. Васин, Д. М. Необходимая оборона имущества как обстоятельство, исключаящее преступность деяния по уголовному праву США / Д. М. Васин. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 92–102.
3. Ворошилин, С. И. Самоповреждения и влечения к модификации тела как парциальные нарушения инстинкта самосохранения / С. И. Ворошилин. – Текст : непосредственный // Суицидология. – 2012. – № 4. – С. 40–52.
4. Горшков, И. С. К вопросу о проблемах административно-правового регулирования оборота гражданского огнестрельного оружия в целях самообороны в Российской Федерации / И. С. Горшков. – Текст : непосредственный // Административное право и процесс. – 2021. – № 4. – С. 74–78.
5. Дюркгейм, Э. Самоубийство / Э. Дюркгейм. – М. : АСТ, 2018. – 448 с. – Текст : непосредственный.
6. Кони, А. Ф. О праве необходимой обороны : рассуждение студента Анатолия Кони, написанное для получения степени кандидата по юридическому факультету / А. Ф. Кони. – М. : Унив. тип. (Катков и К°), 1866. – 107 с. – Текст : непосредственный.

7. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3 : [пер. с англ. и лат.] / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1988. – 668 с. – Текст : непосредственный.
8. Мечников, И. Этюды о природе человека / И. Мечников. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 320 с. – Текст : непосредственный.
9. Мой дом – моя крепость? Советник ФПА РФ Евгений Рубинштейн в телеэфире рассказал, в чем сложность квалификации обороны как необходимой. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/moy-dom-moya-krepost/> (дата обращения: 03.12.2021.) – Текст : электронный.
10. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. – Текст : непосредственный.
11. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2016. – 624 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Batiyev L.V. *Politicheskiye i pravovyye ucheniya XVII veka* [Political and legal doctrines of the seventeenth century]. St. Petersburg, Legal Center Press, 2006. 348 p.
2. Vasin D.M. Neobkhodimaya oborona imushchestva kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushcheye prestupnost' deyaniya po ugolovnomu pravu SSHA [Necessary defense of property as a circumstance excluding the criminality of an act under US criminal law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Russian Journal of Law*, 2012, No. 3, pp. 92–102. (In Russian).
3. Voroshilin S. I. Samopovrezhdeniya i vlecheniya k modifikatsii tela kak partial'nyye narusheniya instinkta samosokhraneniya [Self-harm and attraction to body modification as partial violations of the instinct of self-preservation]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2012, No. 4, pp. 40–52. (In Russian).
4. Gorshkov I.S. K voprosu o problemakh administrativno-pravovogo regulirovaniya oborota grazhdanskogo ognestrel'nogo oruzhiya v tselyakh samooborony v Rossiyskoy Federatsii [To the issue of the problems of administrative and legal regulation of the circulation of civilian firearms for self-defense in the Russian Federation]. *Administrativnoye pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2021, No. 4, pp. 74–78. (In Russian).
5. Durkheim E. *Samoubiystvo* [Suicide]. Moscow, AST, 2018. 448 p.
6. Koni A.F. *O prave neobkhodimoy oborony: Rassuzhdeniye studenta Anatoliya Koni, napisannoye dlya polucheniya stepeni kandidata po yuridicheskomu fakul'tetu* [On the right of necessary defense: The reasoning of the student Anatoly Koni written for a candidate's degree at the Faculty of Law]. Moscow, University Publishing House, 1866. 107 p.
7. Locke J. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl, 1988, vol. 3. 668 p.
8. Mechnikov I. *Etyudy o prirode cheloveka* [Etudes about the nature of man]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. 320 p.
9. *Moy dom moyaya krepost'? Sovetnik FPA RF Yevgeniy Rubinshteyn v teleefire rasskazal, v chem slozhnost' kvalifikatsii oborony kak neobkhodimoy* [Is my home my castle? Evgeny Rubinshtein, adviser to the FPA of the Russian Federation, spoke on television about the difficulty of qualifying defense as a necessary measure]. Available at: <https://fparf.ru/news/fpa/moy-dom-moya-krepost/>. (In Russian).

10. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 p.

11. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, AST, 2016. 624 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глечян, Э. Р. Инстинкт самосохранения как детерминант правового сознания / Э. Р. Глечян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 193–200.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glechyan E. R. The Instinct of Self-Preservation as a Determinant of Legal Consciousness / E. R. Glechyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 193–200. (In Russian).